

УТВЕРЖДАЮ
Ректор автономной некоммерческой
образовательной организации
высшего образования «Европейский
университет в Санкт-Петербурге»,
доктор социологических наук
В.В.Волков
«11» ноября 2025 г.

Отзыв ведущей организации

на диссертацию Дорощеева Якова Станиславовича

«Типология и дискурс Власти в философии А. Кожева»,
представленную на соискание степени кандидата философских наук
по специальности 5.7.2 – История философии

Актуальность исследования Дорощеева Якова Станиславовича «Типология и дискурс Власти в философии А. Кожева» состоит в обращении к предельно острым для современности вопросам конституирования субъективности, властным процессам, формирующим социальную ткань и определяющим условия человеческой свободы. Автор обращается к анализу феномена власти, сохраняя политическую перспективу и историко-философские коннотации интересующей его проблематики, при этом актуализируя онтологическое измерение властных отношений и субъективных позиций, возникающих в этом контексте.

К главным достоинствам диссертации Дорощеева можно отнести систематическое рассмотрение политической философии позднего Кожева. По сути, влияние Кожева на современную российскую (и не только) мысль ограничивается его антропологическим прочтением Гегеля. Поэтому философия Кожева фактически отождествляется с логикой негативности, антропогенным желанием, борьбой раба и господина и, наконец, идеей конца истории. Однако поздние сочинения Кожева, прежде всего, «Тирания и мудрость», но также и «Понятие Власти», являющееся центральным для представленного исследования, далеко выходят за пределы антропологического гегельянства, заново переосмысляя отношения философии и политики.

На материале развернутой реконструкции теоретических концепций власти А. Кожева, автор разворачивает новый горизонт властных исследований. Для Якова Станиславовича Кожев – автор, реализовавший новый и весьма актуальный тип философствования, основанный на герменевтической свободе с одной стороны (интерпретация Гегеля, отступающая от академического канона), и методологической нелинейности, и дискурсивной гетеротопии, с другой. Опираясь на эту методологическую стратегию, Дорофеев реализует собственную нелинейную стратегию анализа власти как специфической формы intersубъективных отношений, позволяющей не только глубже понять современные социальные процессы, но и более эффективно работать с проблематикой субъективности в целом.

Новизна данной работы определяется следующим нетривиальным ходом. Автор детально анализирует работу Кожева «Понятие Власти», исследуя гетеротопическую классификацию типов власти, предложенную Кожевным в качестве проблемной гипотезы. Дорофеев присоединяется к идее Кожева о том, что власть не является однородным феноменом, она имеет разные источники. Ее несводимые друг к другу начала, определяющие стилистику и форму реализации таковы: власть Отца, власть Господина, власть Вождя и власть Судьи. Исследовательская рефлексивная конкретизация этих форм власти осуществляется следующим образом. Автор предполагает, что наиболее явственно природа власти обнаруживает себя в ситуации хаоса, а, значит, Французская революция, как предельно значимое для Европы событие, может быть использовано как провокация сущностных реакций. В связи с чем автор обращается к анализу рецепций революционных событий конца XVIII в., содержащихся в мысли де Местра, Шиллера, Шатобриана и Берка. Каждый из этих мыслителей, с точки зрения Дорофеева, реализовал интуицию властных отношений, намеченную Кожевным. При этом автор исследования подчеркивает, что лишь одна форма власти – власть Судьи – предполагает связь со справедливостью. Справедливость представляет собой опосредование, которое «подвешивает» субъекта, «нейтрализует» его, с одной стороны, создавая во властных отношениях задержку действия и некое «пространство понимания», а, с другой стороны, вводя в опыт власти элемент безличности, который впоследствии реализуется в безличности власти капитала.

Кроме того, автор диссертации показывает связь различных фигур власти с онтологиями: власть Отца основывается на схоластической метафизике, власть Господина – на гегелевской диалектике, власть Вождя – на аристотелевской политической мысли, власть Судьи – на платоновской теории идей. В конечном счете, все эти фигуры являются разными политическими воплощениями негативного антропогенного желания, как центрального сюжета диалектической

антропологии Кожева. Вполне убедительно Дорофеев соотносит политическую философию Кожева с двумя классическими мыслителями политики – Карлом Шмиттом и Ханной Арендт. В отличие от Шмитта, Кожев настаивает на том, что власть, имеющая авторитет, не должна быть насильственной. Иными словами, власть основывается не (только) на насилии, но и на признании. В отличие же от Арендт, он не полностью отделяет политику и власть от насилия: власть является для него «снятием» насилия, его приручением, а не полным отрицанием. Таким образом, на основании поздней политической философии Кожева Дорофеев описывает онтологическую структуру диалектического мышления о политике, что крайне ценно.

Создав констелляцию мысли Кожева с прошлым, Дорофеев устанавливает отношения и с настоящим/будущим, анализируя теоретический союз Кожева и Лакана, а также влияние Кожева на последнего. По мнению диссертанта, оно выразилось, прежде всего, в самой концепции субъективности, воплощенной в «метафизике негативного присутствия» (с. 76), а также в теории дискурсов, созданной Лаканом. Дорофеев указывает на соответствия, существующие между типами дискурса по Лакану и типами Власти по Кожеву, что превращает и то, и другое в единый инструмент аналитики субъективности в современном мире. В этом контексте автор вносит и собственный вклад в кожевскую классификацию власти, утверждая, что в ней отсутствует пятый тип, наиболее значимый для современного мира: власть капитала, целиком формирующая субъективность в обществе спектакля и тотального потребления. Автор полагает, что именно этот пятый тип может служить основанием для критики всей кожевской классификации и ее переосмысления в связи с изменившимися условиями посткапиталистического общества (техногенезацией, виртуализацией, экономическими трансформациями). Фактически, Дорофеев, говоря о дискурсе капитализма, имеет в виду не собственно лакановские рассуждения, а лево-ницшеанский подход к капитализму Лиотара и Делеза с Гваттари. Хотя у Лакана дискурс капитализма оказывается самореференциальным, также как гегелевская диалектическая логика, он вращается вокруг негативности, которую не может полностью скрыть или вытеснить. У Лиотара и Делеза с Гваттари капитализм превращается в чистое позитивное желание по ту сторону «слишком человеческой» негативности. Далее, опираясь уже на Ланда и Негарестани, Дорофеев говорит о том, что чистое желание – это искусственный интеллект, который уже без всяких оговорок может сделать невозможную, согласно Кожеву, божественную власть возможной.

Интеллектуальная архитектоника исследования представляется весьма интересной. Историко-философское рассмотрение здесь обогащено актуальными интересами современной мысли, а сама философская традиция

предстает как сложное, насыщенное не только теоретическими, но и экзистенциально значимыми событиями поле. При этом принципы обоснования собственных гипотез и способ их построения вызывают некоторые вопросы. Так, автор апеллирует к реакциям на Французскую революцию консервативных мыслителей. Но что является основанием их выбора? Без раскрытия этого основания возможно предположение, что были выбраны именно те авторитеты, в которых предугадывается определенное содержание, то есть автор диссертации находит того, кого хотел найти. Также может быть поставлен вопрос к интерпретации позиций некоторых авторитетов. Почему, например, Шиллер рассматривается в качестве консерватора? Яков Станиславович сам пишет о том, что Шиллер – это республиканец, отказавшийся от радикализма под влиянием Гете. Но отказ от радикализма не означает перехода на консервативные позиции. В более традиционном прочтении шиллеровские «Письма об эстетическом воспитании» означают не отказ от революции, а подлинное осуществление революции, которое происходит не в области политики, всегда страдающей абстрактностью, а в области искусства. Отождествление Шиллера с фигурой власти Господина, основывающееся на его «отношении к женщине», представляется сомнительным. Также дискуссионным представляется отнесение Берка в фигуре власти Судьи. В одном из своих текстов он пишет о необходимости арбитра, но вся его аргументация строится на апологии мира традиции. Сложно представить Берка в качестве платоновского теоретика справедливости. Скорее, его, даже в большей степени, чем де Местра можно отнести к фигуре власти Отца. Таким образом, во второй главе Дорофеев демонстрирует великолепную эрудицию в области консервативной политической мысли, но ее соединение с идеями Кожева остается дискуссионным. Последним относительно этого исторического обращения может быть поставлен вопрос о том, как может быть раскрыто единство проблемной ситуации, включающей обоснование концепта автора XX века через апелляцию к авторам XVIII в.

Другой значимый фрагмент исследования – установление соотношения между теорией власти Кожева и теорией дискурсов Лакана, где говорится о влиянии Кожева на Лакана, а затем устанавливается само родство. Однако это влияние как будто не нуждается в дополнительных пояснениях, оно неоднократно заявлено Лаканом. Автор диссертационного исследования ограничивается дейктическим жестом, установлением прямого тождества, утверждая, что истерический дискурс определяется властью Отца, дискурс господина – фигурой Господина, университетский – фигурой Вождя, тогда как аналитический дискурс претендует на отрешенность и справедливость Судьи. Хотелось бы уточнить, что дает нам это достаточно очевидное соответствие, как

оно расширяет горизонт аналитики субъективности, как можно конкретизировать гомологию двух этих теорий?

Итог диссертации Я.С. Дорофеева, состоящий в утверждении программы правого акселерационизма, представляется достойным дискуссии. Капитализм, обретающий мощности искусственного интеллекта, преодолевает границы «слишком человеческого» и становится божественной властью, прямой и непосредственной теократией. Это очень остроумный ход, однако не подрывает ли он весь систематический разбор политической философии Кожева? Автор диссертационного исследования, конечно, пытается перебросить мостик между Кожевым и правыми акселерационистами, говоря о власти искусственного интеллекта как о «конце истории», но это, скорее, риторический ход. На логическом уровне этот переход осуществляется с помощью лакановского дискурса капитализма, тактически смешанного с лево-ницшеанским акселерационизмом. Иными словами, вместо мостика мы имеем дело либо с «прыжком веры», либо с форсированной интерпретацией. Возможно, конструктивным ходом было бы противопоставление политической философии Кожева с его негативным желанием и политической философии Лиотара, Делеза-Гваттари и акселерационистов с чистым и позитивным желанием? Тогда отождествление чистого желания и божественной власти из своеобразного проявления современной «мечтательности» (если пользоваться кантовским пейоративом) могло бы превратиться в прекрасный инструмент критики.

Следует, однако подчеркнуть, что высказанные вопросы и замечания не снижают достоинства работы и носят характер приглашения к дискуссии, а ответы на них могут позволить автору более полным образом раскрыть собственную позицию. В целом диссертационное исследование Якова Станиславовича представляет собой завершённое оригинальное исследование, обладающее существенной новизной, продуманной аргументацией, достаточно академически фундированное и обоснованное в своих основных выводах.

Диссертационная работа Дорофеева Якова Станиславовича на тему «Типология и дискурс Власти в философии А. Кожева» соответствует требованиям пунктов 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а её автор заслуживает присуждения учёной степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2 — История философии (философские науки).

Диссертация представляет собой оригинальное и законченное исследование, содержит предложения по решению рассматриваемой философской проблемы. Автореферат и публикации автора отражают содержание, структуру и основные выводы работы.

Отзыв подготовлен доктором философских наук, доцентом, профессором Центра практической философии «Стасис» автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге» Савченковой Ниной Михайловной и старшим преподавателем Центра практической философии «Стасис» автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге» Сюткиным Антоном Сергеевичем.

Отзыв рассмотрен и одобрен на заседании Совета Центра практической философии «Стасис» автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге» «06» ноября 2025 г., протокол № 5.

Сведения о ведущей организации: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге» (АНООВО «ЕУСПб»).

Почтовый адрес: 191187, город Санкт-Петербург,
улица Гагаринская, дом 6/1, литера А,
помещение 1Н, 2Н, 4Н, 5Н, 6Н, 7Н, тел.: +7 (812) 383-53-18;
e-mail: lshipovalova@eu.spb.ru

Директор Центра практической философии «Стасис»
АНООВО «ЕУСПб»

доктор философских наук,
доцент

Л.В. Шиповалова

*Директор Л.В. Шиповалова заверяет
Специально от руки Казюк И.В. А/р/шима*

Профессор Центра практической философии «Стасис»
АНООВО «ЕУСПб»

доктор философских наук,
доцент

Н.М. Савченкова

*Профессор Н.М. Савченкова заверяет
Специально от руки Казюк И.В. А/р/шима*

Старший преподаватель

Центра практической философии «Стасис»
АНООВО «ЕУСПб»

А.С. Сюткин

*Директор А.С. Сюткин заверяет
Специально от руки Казюк И.В. А/р/шима*